

ТАК ГОВОРIT ПРАВДА

1. О ПРАВДЕ

1

Чем отличается правда от истины?

Истина—полагает, а правда—относится.

2

Истина — положение; правда есть жест; и — без всякого положения в мире: глашатаи истины так положительны, что занимаясь своим положением в мире, хозяйством своим, не дают места правде, младенцу, которому время родиться; правдивцы—бездомные пастухи. За звездою проходят безмолвием.

3

Истина — отлагает, слагает: с чего? С правды. Так сложенное перестает быть правдивым. Воистину: истина—полагает, а правда—по-носится.

4

Истина только — лагает: «лагать» — лгать? Лежание, лог, ложе, ложь—положенья статических истин; несущееся в движение—правдиво; упавшее—лживо; истина—лежачая правда, упавшая правда, безногая правда; она — паралитик; себя сознавая до ложа, до лжи, она вдруг искупляется мимо идущую правдою; правда гласить ей: «За мною иди».

Истина в правде есть путь жизни в «Я»; она, понятая до дна, перестает полагать; она действует взглядом без слов; правда — взгляд; истина — глазное яблоко взгляда.

5

Псалмы указуют различие между правдой и истиной; сказано: «Небеса возвещают правду»; и об истине сказано, что она «от земли воссия»; расстояние правды от истины — расстояние, по меньшей мере равное расстоянию от земли до ближайшей звезды. Так: земля — пункт неба; и истина — пункт дома правды; мораль — тень границы меж ними; граница же — честность; по одну сторону — аморальная правда; и по другую — имморальная истина.

6

Правда бросает повсюду свои многолякие тени; она в философии — норма форм, суждение утверждения, категория данности, первое гносеологическое суждение, символизируемое актом творения мира: «Да будет, дано, да!» Сама же она — прежде данного: в до-данном, в «пра»-данном. Правда есть какое то «пра» в «да»: «пра» + «да» = пра-в-да.

Правда — символ, а аллегория — истина.

7

«Пра» же есть мир мифологий, божественный; «да» — мир положенный, стоящий пред носом моим; точно дым пистолетного выстрела, от которого вдруг я чихнул; «на всякое чихание не наздраствуешься» — логика идеалистов; и они превращают свой «чих» в символ вечного: в «пра»: «Все преходящее — только подобие»; «метафизический мир лишь подобие «чиха» — так говорят реалисты; символизируют те и другие; одни — «пра», другие — «да»; «пра» и «да» части огромного со-пра-да-ния, сопрядания. Правда есть воплощение.

8

Что воплощено? Мир данный? Нет он — положен в «во вне», в «вокруг», в «больше». Мир должный? Нет: он — во мне,

«внутри», в «меньшем меньшего»; оба міра — не правды; один преувеличивает себя в безмерность; другой—преуменьшает себя в менее, чем ничто. И это менее чем ничто — время пространства. Воплощение не знает того и другого: оно — «как раз», в «пору», «ни больше, ни меньше».

9

Что—«в пору»? Что есть форма и содержание? В чем большее равно меньшему? В чем «пра» сочетается с «да»? Где производитель—произведение производителя?

В Само, в «Я»: в само-со-знании. Здесь «даю» пересекается с «дано».

Самосознание — вздрог правды в нас, от которого рушатся кубики истин во граде познания; вздрог—и мессинское землетрясение «истин»: проходит дух правды; знаете ль вы в себе, о, ответственные полагатели истин, тот вздрог, когда вы пред самими собою стоите лгунами? Не знаете? Знайте же: передо мной вы такими стояли не раз. Я вас видел в ... «ответственности», когда истины отпадали от вас, будто ключья прогнившего, мертвого мяса.

10

Лучи правды — все стороны пересекающий свет, относимый со скоростью абсолютною: абсолютно относитеся он на такое то количество километров в секунду (ни больше, ни меньше); и это количество—абсолютная скорость.

Так правда относится, преодолевая все истины лжей и все лжи истины; ее относительность—безотносительна.

Господин кантианец, прошу вас а ргіогі мне дедуцировать это количество: прошу вас а ргіогі дедуцировать правду: тогда вы ответственны; иначе вы—«ответственный» лгун.

11

Правда—правда: ни «так сказать», ни «терминологически говоря», ни «образно говоря»; правда—правда: без уподоблений. Ответственные, с которыми пора размежеваться и мне, осознали ли вы «ответственность» правды за частоколом из «так сказать» истин.

Отойдите же от меня, окаянные: анафема вам, маранияффа!

Неужто же не узнали вы духа правды, который служитель есть верный, носящий не «так сказать» имя, а имя—«Аминь».

Так говорит Аминь, служитель верный: так говорит правда.

II. ПРАВЕДНОСТЬ, СВЯТОСТЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

1

Праведность — правовое определение правды; или — действие правды над временем; праведник стоит пред другими; праведник — праведник в обществе; праведник — правдивый для других; правдивец — для себя.

2

Мое «да» — действие утверждения чего бы то ни было: положения, правила, вещи; а «пра» есть «Я» в «л» обычном; и чрез него — в сфере времени: мы обычно во времени скованы временем; между тем: времена истекли из начал; «я» — начало для времени.

Праведный (пра-ведущий) есть тот, кто правильно ведет время; и в этом смысле им правит; он тот, чье Само, овладевши сознанием, овладело сознанием времени.

3

Праведник есть — со-временник: он «со» всех сознаний текущего времени (от сих пор до сих пор); он — культура; поэтому праведник — прав; он есть право, которого корень в несправии правды; а «право» — тень тени: тень праведной стороны правды.

4

Правовые «истины» человечества — тень тени тени...

5

Праведность есть отношение правдивого к тому, что лежит вокруг него; это — круг его веденья; в этом круге он — праведен; в

другом — нет; но везде — он правдив; праведность — первое положение правды; она уже лжет, но ложь праведности есть все еще сама правда по отношению к кодексу положительных, ответственных истин.

6

Действие правды чрез праведность — действие оправдания; праведник тот, кто оправдывает время.

7

Праведник для всего, что себя пронизало хоть сколько-нибудь духом правды, есть праведник; для всего, что лишь смутно в него вперено, — эстетическое представление он; в таковом эстетическом свете он даже не праведник, а явление теплого, прекрасного света: святой.

8

Святой есть непонятый праведник; праведник — не всегда есть святой; одеяние теплого света — одно одеяние его; одеяние холодное ясности есть одеяние другое; и в нем — просветитель он.

Но может пройти без одежд: не быть просветителем и не казаться святым; Ницше был такой праведник.

9

Одеяния света и святости, взятые через призму положенных, «положительных истин», являют иллюзию просвещения в смысле ученья и знаний: ученье есть свет; не ученье есть тьма.

Но — разве правда и праведность одеянья дневныя и светлые? «Die Nacht ist tief und tiefer als der Tag gedacht» Так и правда. Она — темный диск оперения: теплового (иль праведного), светотеплого (или святого), холодного света (иль знания). В темном диске оправданы светочи: права святости, света и знания. Вне его — оперения: ложь Люцифера!

Да, правда — ядро; периферия правды — гранится грань, оно «психологии» — цельность процессов, переживание (ни воля, ни чувство, ни ум); правда в действии — праведность (в психологических шорах — мир воли, в эстетике — полное умение приема, в познании — правило положения метода); правда в чувственных (эстетических) созерцаниях — святость, периферия пучины самосознания, мир чувств; в святости праведник отражается представлением в нас; святость — место утопленной правды, иль озеро Светлояр, утаившее Китеж; в эстетике святость есть вчувствие, или — со-чувствие (восприятие приема, переживание стиля); отражение в познании святости — «истина» мировоззрения; отражение «истины» в познавательном атомизме наук — просвещение наук, или «истины» знания; в психологии — здесь область ума; в эстетике — сфера сюжета; в морали выносятся тут познавательный фрак скрытой правды: практический разум с его отношением к теоретическим формам познания, через посредство которых откладывает он «законы» свои; здесь начало осадочных мощных пород нашей лжи; здесь — градация знаний.

11

Познание знания в своей просветительной зоне есть город, где каждая улица названа «неправдиво», а «истинно» (термином); и где каждое здание улицы ясно сияет очищенным номером; здесь воистину: истина «от земли вossия». Далеко от нее потемневшая «правда к небесе при низе» (псалмопевец).

12

Так говорит правда.

III. О ЛЖИ.

1

Правда дана в «положениях» лжи; ложь — не то, чего нет; она — есть; она — то, что легло, улеглось, успокоилось, не несется; и не — относится; ложь «истины» — догмат; правда «истины» — символ; законы природы суть познавательные аллегории.

Стадии нисхождения правды в неправду: праведность-святость-свет, воля-чувство-ум, совесть-фантазия-императив, прием-стиль-фабула, норма-форма-закон.

Правда брошена в мир нашей лжи; она — в лжи; наше бегство от лжи есть утопия; мало нам избежать мира лжи; это — ложь самой лжи; надо нам оправдать правду лжи; «положения» лжи переделывать в восставание правды; правда вечно дается нам ложью: переживанием «я», долгом, образом и законом науки; духом совести носится над четырьмя горизонтами лжи; и — творит на них смыслы и ценности.

Самосознание есть процесс выявления правды из лжи, воскрешение трупов «мессинской катастрофы»; и восставшая, в праде лежавшая, ложь есть действительность, «Со», «пра» в «да» правды; самосознание есть единственное социальное дело.

Отказы от лжей (от культуры, от знания, морали, общестственности) — перепрыг в сферу правды: прыжок лжи и оседлание правды под формой «ответственности» (нежелания лгать). Правдивые положения ригористов и вас, о, ответственные, есть правда оседланная: правда в тюрьме; ригористы, оставьте меня в мире лживых творить ложью правду; «оседланной правдою» попадаете вы — в центр лживой сферы; и здесь — смерть вторая.

Оправдание лжи убивает ее в лживом пункте: в лежании, в логовище, в пристанище, в порядочном комфортабельном доме, во всевозможном «я должен, ты должен, он должен» и в хлопотливой ответственности: то, что лежит в лжи есть «истина»; отметание лжи — утрата частей цельной правды.

В выпрямлении мысли и чувства, и воли: начало познания правды; «Исправьте пути» есть начало Евангелия.

Будь правдив!

Это значит: «Не говори правды». Правда в слове—всегда положение правды во гроб добра, истины, красоты. Тебе говорили: «О, говори правду!» А я говорю: «Не говори правды никогда, но... оправдывай: строй мир правды в самосознании!»

Правда темна, не светла, молчалива; и знак ее — взгляд без слова, противоречащий знакам и объяснению знаков.

Соделайте правду не действием разрушения лжи, но действием созревания лжи, созревания лжи вплоть до «совести» лжи, где она вспоминает, как некогда и она не лежала, летала, носилась (носила—правдою) и потом потеряла способность носиться, легла; надо лжи показать, что она в устремлении к себе еще вовсе не ложь, что ей, лжи, не мешало бы окончательно воплотиться. Но действие воплощения лжи есть начало всеобщего оправдания: восстания в правду.

Лжец восклицающий — «да, я есть лжец—таковым и останусь» — есть совестливый: и у лжи совесть есть.

Оправдание мира в умении выращивать зрелыми плоды жизни; созревшее — правда, — а перезревшее, или еще не дозревшее — ложь; каждому плоду — свое время; умение выращивать что-либо коренится в умении выращивать вообще; по умению выращивать открывается в доступном единственно росте; тот рост — самосознание наше; владеющий самосознанием владеет и даром: выращивать зрелым себя, других, вещи (и у вещей есть их «я»), владеет он даром: творить правду мира в материи лжи; он знает, чему время стукнуло, что

еще не созрело и что перезрело; и знает, что слово еще не дало зрелого плода: еще Слово в словах не созрело; и он не разводит словесности правде; он правдой молчит, не говоря прямых истин; но действует он словами, слагая еще не правдивые смыслы их в жест: без единого слова; правдивый не тот, кто вещает нам правду, а тот, кто вещает неправды, но так, что неправды, сплетаясь, себя убивая друг другом, являют молчание; и слова начинают кивать нам без слов; начинается тут разговор при помощи слов молчаливого Слова: то — правда.

12

В наивных правдивцах, в восстановителях истины, в грудогорбых верблюдах «ответственности» — нет ответственности: перед правдою; долгоносцы — всегда должники, неоплатные, перед правдой. Избави нас Бог от наивных правдивцев.

Так говорит правда.

IV. О ПРАВДИВЦАХ, СВЯТЫХ, ПРОСВЕТИТЕЛЯХ И ПРОЧИХ «ВЕЛИКИХ».

1

Носить правду в себе еще вовсе не значит жить в правде — а значит обратно: жить в не правде; жить в окружении правды, тебя проникающей, это значит: оправданным быть; носить правду — иное: то значит — носить отложения ея; правда нас продувает, в нас зыблет; и то, что движением правды в нас зыблется, мы называем опять таки правдою; зыблется в нас наша ложь; этот зуд называем укорами совести мы.

2

Совесть из рта прорастает словесною истиной; тут — мы в неправде.

3

Носить правду в себе — значит быть не оправданным и не знать оправданий себе; правдоносите́ль несет свою правду, как нечто, сму

не присущее и не по праву присвоенное; не становится он оправданием правды; он правду сбывает другим, оставаясь без правды; и — таковы просветители.

4

Правдоносители — суть несправедливые; вся их правда «внутри» лишь тоска по вселенной, которую где-то утратили; жест (сбыть тоску, испытавши иллюзию оправдания, сбыть другим свою правду) есть жест безответственный; правдоносители — безответственны всей «ответственностью» своею.

5

Правдоноситель мятется: «Он — должен и должен, и должен»; правдивый же знает: то будет, что быть должно; это «что» ощущает не формулой он и не истиной вовсе, а ритмом, диктующим в понедельник походку одну, а во вторник другую: и «долг» открывается — раз, много два; откровения долга — мистерия, в которую посвящается жизнью правдивец, перед которой — немой он (*mysteria* «от *müein*»); это не долг, а — «Аминь»; это — имя; а в прочее время правдивец на все предписания долга и на долбню долгоносцев отвечает всей «неответственной жизнью своею: «не знаю: я поступаю... так как то...» А поступает он — легче, ритмичнее; правдоискатель — рванется, споткнется; и запыхавшись сидит на одном положении долга: на бременном камне; и бухает камнем для убийства комара на лбу жизни; так жизнь им убита.

6

Походка правдивого — легкая: от безответственности; эта походка — летучего «долга», который известен ему без категорических псевдонимов: известен, как... правда.

7

Долженствователь (должник неоплатный), святой (учиняющий представления света, хороший актер), даже праведник (кучер рыдвана «сегодня») — великие люди; их можно измерить аршинами; просто правдивый — неизмерим: он — менее математической точки.

Так говорит правда.

V. О МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕКЕ ВЕЛИКОМ.

1

Неизмеряемо малое в человеке не меньше великого. В неизмеряемо малом сокрыты радиоактивные силы, способные вызвать и взрывы, и дым; да, «великие» люди — клуб дыма; а небольшой человек обладает внутри жизни «я» всей энергией взрыва; его преимущество перед «великим»: взрыв будет; он — с «будущим»; в жизни «великих» — разрыв жизни «я»; сам «великий» — бум-бум своей собственной жизни; «бум» — позади; так «великий» есть бывший, есть прошлый; его настоящее — повисать клубом дыма, смущая других; предстоящая участь великого — дымом рассеяться.

2

Праведник, просветитель, должник и глашатай — все типы «великих» людей; в невеликом есть «главное» в потенциальном, еще не растраченном виде: «дух правды»; а у великого этого духа порою уж нет; он разменен на «истины»; маленький человек еще ставит себе оправдание себе; еще он не оправдан; ему предстоит оправдание; а великий оправдан уже большей частью при помощи лжи; правду он огласил мощной ложью; и для него прозвучало суровое: «Оглашенные, изыдите». Не верен он правде.

3

Да, маленький — ближе к «пра», чем к Началу; великий весь в «да»: «Я — даю, полагаю, лагаю, лгу!» Лог он огромный, размытый и вычерпанный; величина его отрицательна: он, как овраг, есть форма отрицательного рельефа.

4

«Великий» — эпизод на пути к человеку: то — фарс с Санчо-Пансо, проснувшимся губернатором и подброшенным... на тюфяках; он, подброшенный тюфяком обстоятельств, не видит висения в воздухе головою вниз — себя самого; ему кажется, что стоит он, ногой опираясь о твердь; над головою — земля в виде лунного диска.

«Великий» — даже не сверхчеловек, а подброшенный неудачно; оттого он сдается заботою: поддержать себя в воздухе; тяготение к «пизости» — просто следствие «высокого» положения в мире: закон тяготения тяготеет над ним.

6

Он сдается «великим порывом»; «порывы» суть ложное восприятие правды, как внешне лежащей; то — кожное, нервное восприятие правды; раздутие кожи на теле; порывы — нарывы; призывы — прорывы нарывов; великие люди чреватые призывами к лжи, плывущие стремлением сеять правду, которую носят они в своем внутреннем мире; болезнь, экзальтация, есть вдохновение в них; его следствие — выдыхание: дух выпускают великие люди; и сами бездушно коснеют потом; даже больше: на собственном духе приподымают высоко свое положение в мире до... гонора включительно; так выпускаемый дух осаждаст великому и великую собственность: в виде каменной виллы в прекрасном ландшафте.

7

Под каменной этой броней великие люди страдают: испытывают «угрызения совести».

8

В чем угрызения? В себявидении субъектом, одетым по-клоунски, этот субъект циркулирует всюду с плакатом, с рекламой, а на рекламе стоит: «Мои карточки продаются повсюду за столько и столько-то». Глупое положение рекламошника искомни обсуждалось прохожими городских крупных центров; обсуждения эти и «охи» великий имеет способность подслушать повсюду; он вздох сожаления слышит и там, где тот вздох объясняет себя восхищением; но «великого» не проведешь этим вздохом: он знает, что — мал. Самовлюбленность его есть паркоз; отрезвления после паркоза ужасны; их Гоголь не вынес; их вынес Толстой, проходивший стезю от «великого человека» к правдивому человеку.

Великие люди велики количеством «положений»; умея выделять правду, они открывают торговлю «изделием правды»; они положивши одно, полагают другое; их весть о себе—положение: по-весть; они о себе повествуют; их «совесть» становится «повестью»; так попадают в историю, которая—павшая совесть.

10

Великому нужно все выложить, положить, повестить; он снедаем болезнью: положить пред собою изделие, «истину»; он—всегда полагает и прилагается все остальное к нему; окружение великих и толпы, за ними идущие,—только бордюр, или рамка к картине положенного; к положению «истины» прилагается все человечество обнимающей рамкой; воистину: моралист, социолог берут человечество рамкой; вся жизнь человечества только пустая дыра: затыкают ее моралист, социолог какойнибудь утопией; теперь человечеству смысл подарен; посредине картины стоит бюст великого; Юлий Цезарь и Маркс одинаково продолжают в памяти: бюстами; человечеству дарит великий свой собственный бюст под вуалью «общественных благ».

11

Полагать для всего человечества это значит всегда: полагать бессердечно; бессердечие здесь не знает предела: все человечество—мертвая рамка для «истины», почитаемой благом великим; человечество все подавай ему рамкою. Желющие принести человечеству благо суть те, кто желают отнять: у всего человечества—благо!

12

Этот жадный инстинкт, «вампиризм» под личиною благ,—показатель всегда: угрызения совести у дающих достигли предела; они—не оправданы; адский огонь и смертельная ненависть к жизни печет их; такие чудовища обыкновенно приходят к тому, что дарят человечеству злобу под формою «истины» для—всех, всех, всех! Окаянные!

Так говорит правда.

VI. «ВЕЛИКИЕ ПРИНЦИПЫ»

1

Отвращает меня всякий привкус партийности, действующей сознательно на «благо других»; здесь маленький действует под прикрытием великого «лозунга», т. е. под гипсовым бюстом какогонибудь из «великих», тут «маленький», размноженный не-счётно, бьёт жизнь томагавком, имеющим изображение великого; он выращиватель всего мертвого, он свои экскременты сует под нос всякому.

2

«Великое» — принципиально, зло, лживо, жестоко и подло; все великое — нажимает своей носорожьей стопой; великие люди, великие принципы — ходят на толстых слоновьих стопах оmozоленной жизни своей; да, великая поступь людей и событий — болезнь: элeфантиазис культуры.

3

Да, я — обыватель: я не желаю пресечь обывателя в своем духе, когда обывательщина мобилизована в рамки «великому»; в дни, когда сам обыватель «велик» и летит впереди всей истории по закону падения, тяготеет и развивает стремительный лет, тяготения к косному, где ж мне место, как не в пустом ряду «обывателей»?

4

Пора бросить вздор, обессмысливающий смыслы слов: что таит в себе ныне позорное слово «обыватель»? Тот кто «бывает»? Бывая, пребудет всегда? Маленький человек, т. е. человек просто? Да, он — не преидет: и я лучше пребуду правдиво с ним вместе; лопнуть лягушкою, дующейся до вода, — не хочу.

5

Из двух зол быть маленькою живою лягушкою, или дохлой лягушкой, разорванной ложным порывом к великому, предпочитаю остаться: лягушкою живою; и — становлюсь обывателем.

Религиозно-общественная проблема когда то и меня занимала; однажды, читая статью «гениального» религиозного деятеля, я споткнулся на сочетании слов «богосыновство во властеносительстве»; тут повеял «душок» на меня; семинарский душек; книгу я отложил; и вопросом церковной общественности не занимался уж более. Понял отчетливо: он—дух пьяного, кабацкого перегара из уст семинариста; семинарист в кабачке породил тот вопрос; в семинаристе могу почитать я правдивого человека; ну так будем же с ним говорить человеческим языком. Я имею претензию на беспринципность хорошего тона: правдивого тона. А «богосыновство во властеносительстве»—нет, не могу!

Социальный вопрос занимал меня многое множество раз: деловито, отчетливо, сухо вставляли колонками цифры и цифры статистики; цифрами уличались банкиры, дельцы. Маркс есть автор теории экономических кризисов. Так поучительно, так деловито, что мне становилось порою и жутко; в ученых бордах с капиталом и с прочим «дельчеством» начинало сквозить столь гигантское погружение в душу дельца, что не верилось мне, чтобы можно с «дельцами» бороться не их же оружием; психологией банкира, дельца, искони отгоняли и марксисты (я сам одно время чуть не попал «во марксисты»); они деловитее прочих; но «банком» мне вест от их борьбы с банками.

Так и покончил знакомство мое с литературою по социальным вопросам.

Понял я, что под маской общественности оправдают себя и «дельцы»; так: с «дельцами» борясь, ты дойдешь до «дельца»; и дух правды меня заставляет сказать про свое отношение к социальной проблеме:—«Да, знаете, как то так... Хотите чаю?» Что же, неужто и нет обывателя вовсе? Вот он: я, обыватель!

Вопросы науки интересовали меня; здесь дух правды прямее. Что есть «истина»? Наука отвергла вопрос; «истины» физики не выживают десятилетия: верховные принципы физики скачут, играя друг с другом в игру: в чехарду (Декарт-Ньютон, Эфир-Сила); Наука — стремление без «истины»: множеством «истин» она разряжается, оплотнявая техническим приложением... к пушке (уже «чемодан» превзойден); залетала наука по воздуху; воздуха же — нет: «дышать» нечем от лжи. Наука прямой социологии в том, что она — насквозь ложь: но ложь с «собственной совестью». Социология совести не имеет.

Искусство — не убеждает; в искусстве живу я в сознании тысяч; мой образ, слагаемый душами, в коих живу, — «великан», а не я; это — мощный плакат: «Андрей Белый». Под ним — я, Бугаев, служащий в библиотеке Наркоминдела. я Бугаев, — человек маленький. Я стыжусь показаться под «Белым». — «Кто вы? Сердито останавливает меня мой читатель, бредущего себя слушать (на лекцию)... «Я, извините, — Бугаев!» — Не слышал о таком!»

Ну и что ж? Кроме автора есть «дух творений; обетованья, порывы и прочее; ждут: от «порыва» прекрасное что-то начнется: «Ну вот и прекрасно: спешимте, бежимте на зов!» Пospешили, пришли, сидим, ждем: не начинается! Перечитываем «произведение», нас зовущее: не начинается! Ожидание рождает порою бессельные жесты: «Скажите, кто автор зова?» Является господин с бородавкой, любитель вина и даже женщин; и мы изучаем его биографию: он такого-то года в такие-то числа — икал: новый штрих. О, подброшенный Санчо-Пансо: подброшенный нами же!

Так «великие принципы» мира науки, искусства, общест-венности — представление мое: дым разрыва какого-то малого зер-

лышка: правды во мне; это зернышко не измеряемо килограммами, неизмеряемо пудо-футами; «величие» — отвлеченная правда от... правды, которая в малом.

Так говорит правда.

VII. СОВЕСТЬ

1

Совость для нас — это голос, то мучающий, то награждающий. Не понимаем мы совести; ей, воистину, дела нет, до того, что мы делаем в ней; ни тепло мне, ни холодно от мук совести «великого» Пыпина; холодно вато пожалуй; свои «угрызения» выливает порой на меня он: моральной максимой. Награжденный — палит меня жаром; жиреет он жиром довольства; и тоже страдает: одышкой.

2

Совость, пока она в муках или в жирных довольствах собою, — не совость, — а «весть», или «известие»: для других. Со-восьть — слияние вестей друг о друге в самосознании братского организма; она — сочетание познавательных удивлений перед действительностью вместе, видящих душ; и она — сочетание со-чувствий, которым есть имя: Любовь; и она — сочетание деяний, со-действий, которым одно есть название: Жертва. Удивление здесь переходит в любовь; любовь — в жертву. Да, со-восьть — совестие всех известий; или — встреча известий.

3

Назову ее именем лишь одной стороны ее: удивление любви переходящей в со-действие жертвы, есть «жалость». Слово то для меня есть слияние, символ: Любви, Света, Истины; в «жалости» — корень конкретной, доступной нам правды; она и есть — Совость.

4

Несказанной, огромной, великой любви недостаточно; недостаточно любви к человечеству, к нации, к классу; все то — перепрыги;

начало любви к человечеству в любви-жалости к имя рек, к одному, к единственному, к обывателю, к малому. Без этого начала любви все—сон пустой.

5

Недаром народ называет одним общим словом: со-страдание, и любовь: «я жалею»—вот главное. «Я люблю несказанно» без жалости—сон: сон пустой!

6

Жалею есть: одновременно и плачу, и смеюсь от... любви.

7

Оправдываю тебя, ближний мой, малый, как я,—в твоём малом которое больше «великого»; и обвиняю тебя целиком: ты—страдаешь прием «вести» друг друга—друг в друге; и «со-весть» между нами возникнет; если жалость друг к другу в нас есть, нам нет дела до пустяков в роде «муки терзаемой совести»; угрызаются пусть великие, жестокие, благодетели, дарители принципов; пусть они угрызаются муками совести... в бессовестности своей!

8

«Мука совести»—отклик сознания на «весть», не проникающую меня, не сливную с вестью моею; тут я слышу лишь звон, но не знаю, откуда он. Муки совести—«вести» души, которую надо бы принять в своё сердце: жалеть; муки совести суть и «известно-сть» моя, и «без-вестность» моя; и ни в «известии», и ни в «без-вести» нет ещё «со-вести». В со-вести «пра» правды начинает действовать в «да». Самосознание приводит нас к совести.

9

А «известность» ужасна без «со-известности»; я в «известности» исхожу лишь «вестями» о собственном, внутреннем мире моем, оставаясь без мира в себе (он исходит), без мира во вне. Кто не со-вестен, тот «известен», или «безвестен»: бессо-вестен. «Известности»—настоящие радиотелеграммы: «Всем, всем!» Безсовестники!

«Маленький человек» есть до-вестный; он может стать и известным, и совестным; и великим, и просто «хорошим»; последнее—лучше; он, малый,—дитя: для детей—Царство Божие. Он—дитя правды; в ком умер ребенок, тому не быть в правде; «великому» трудно быть в «малом», но все таки можно, когда он жалеет, когда он—хороший (не только великий, не только известный).

Так хочется в наше «великое» время согреть в себе малые, все бы сказали, что «пошлые» правды; но если забудем мы «пошлые» правды, величие времени обернется в великий позор; и уж частью оно обернулось позором, когда мы не стали: «жалеть». Просто хочется людям сказать: «Не убийте, не обагривайте руки в кропи, не воруйте, не лгите: жалейте, жалеите, жалеите!..» А вы не жалеете: и оттого то великую правду событий, сошедших на нас, превратили во что?

Придем же друг к другу, труждающиеся и обремененные; и—успокоим друг друга во имя «Я»... правды, которая в каждом жива, пока в гроб не успели ее уложить все «великие принципы нашего времени» (социальные, религиозные или моральные); ах, проживем без «вопросов»; слушаем: быть может, тогда мы услышим и правду; найдем же пути от великого к малому; только здесь мир «великого»—мир (не война); но пока в нас не будет жалеющей совести, правды не будет; останется мир неоправданным; не оправдаешься «ты»; не оправдаюсь и «Я».

Оставим «великие войны»: пройдем к безвеличию совести, к правде жалеющей.

Так говорит правда!

Андрей Белый.

21 года. Июля 8-го. Детское Село.